

29 мая 1982 года

Париж, улица Барбе-де-Жуи, 11

Она свободна и безмятежна.

Пульс у нее сделался реже, сердце перестало биться. Ее сердце, которое умело страстно любить и которое порой так больно ранили, только что остановилось. Его последний удар — как стук, который в театре оповещает зрителей о начале заключительного акта пьесы.

Теперь она одна на сцене.

В тишине парижской весенней ночи Роми отвесила свой прощальный поклон.

Она упала бесшумно, как осенний лист, который с легким шелестом ложится на парижский асфальт, — в момент, когда писала, сидя за

маленьким секретером у себя в спальне, — и опустилась на стоящий рядом диван.

Ее спутник жизни Лоран Петен, решив, что она спит, осторожно перенес ее на кровать, словно принц из сказки Перро.

Затем прилег сам и заснул. Он проспит до утра рядом с ее телом. Эта комната, которая до сих пор была приютом их любви, превратилась в обитель смерти.

И началась долгая ночь безмолвия.

Все в этой комнате застыло в неподвижности. Здесь много ее вещей: на креслах небрежно разбросаны несколько ярких косынок и длинных туник в «богемном» стиле, из которых состоял ее домашний гардероб. Именно в таких нарядах, за просто, не прихорашиваясь, Роми принимала гостей. Многие из них не могли скрыть удивления, когда она открывала им дверь, а кое-кто просто не узнавал ее — слишком уж непохожа была эта женщина на кинозвезду, которой они любовались на экране.

Стены увешаны фотографиями ее сына Давида. Вот он в пять, в десять, в четырнадцать лет. Обаятельная улыбка. Светящееся радостью и добротой лицо подростка, чья жизнь оборвалась так нелепо и трагически. Он был ее сыном от немецкого драматурга Гарри Майена, человека, которого она пыталась, но так и не смогла спасти от

прогрессирующей депрессии. В несколько месяцев она потеряла своего бывшего мужа и их единственного ребенка. Один покончил с собой, другой погиб в результате нелепого несчастного случая.

На секретере — бокал вина. И короткая записка, которую она начала писать одной журналистке: отказ от интервью, запланированного на этот вечер, несколькими часами спустя.

Кое-кто скажет, что эта записка — доказательство того, что Роми покончила с собой. А иначе зачем бы ей отменять интервью? И потом, разве в этот вечер рядом с ней не были обнаружены лекарства и бокал вина?

Значит, Роми решила поставить точку в деле продвижения своего последнего фильма и одновременно — в своей жизни?

Если так, то «Прохожая из Сан-Суси» должна была стать последним этапом творческого пути актрисы, решившей уйти из кино. Меньше чем через год после гибели сына — удара, от которого она так и не смогла оправиться.

Все это время Роми преследовали папарацци, и она больше не хотела показывать им лицо, слишком явно выдававшее ее душевную рану. Она решила скрыться от этих нескромных взглядов, для которых становилась то предметом восхищения и восхваления, то объектом зависти и травли, и, как раненый зверь забивается в свою нору, спряталась в фешенебельной квартире на уединенной улочке Барбе-де-Жуи в VII округе, принадлежавшей

ее другу, продюсеру Тараку Бен Аммару. Роми не могла больше находиться там, где все напоминало ей о сыне, и попросила Бен Аммара поменяться с ней квартирами: она приняла это решение внезапно, среди ночи, несколько месяцев назад.

А сегодня вечером, сидя перед секретером, незадолго до того, как потерять сознание, она не только возвращалась в прошлое, глядя в глаза сына на фотографии — одной из тех, что сплошь покрывали стену комнаты, словно надгробие. Нет, Роми говорила о настоящем и планировала будущее.

У нее только что состоялся телефонный разговор с Жераром Шамом, фотографом, с которым она познакомилась на съемках «Прохожей из Сан-Суси».

Он предложил ей устроить фотосессию, в которой она предстала бы раскованной и спокойной, вместе со своим спутником жизни Лораном Петеном и дочерью Сарой. Эти фото дали бы ей возможность продемонстрировать, как она счастлива в новой семье, в обстановке, которая ей по душе. По его мнению, самым подходящим местом для съемок стало бы ее собственное жилье. Роми выбрала для этой цели новый дом, недавно купленный ею в окрестностях Парижа, в Буасси-санз-Авуар, где она мечтала в будущем проводить как можно больше времени, — тихий уголок, который она до сих пор скрывала от чужих глаз.

Только что у нее был долгий разговор с фотографом. Они обсуждали детали сессии, которая должна была состояться завтра, — насколько подробно

она хотела бы показать дом, как она могла бы одеться. Она спрашивала его совета, перечисляла возможные варианты платьев и туфель. С обувью у Роми всегда были проблемы. У нее часто болели ноги, поэтому от обуви она требовала прежде всего удобства: зимой ходила в ботинках на низком каблуке, летом — в босоножках. И никогда не надевала лодочки на высоком каблуке, потому что их узкие носы сдавливали ей пальцы. Роми сказала фотографу и о том, как решила одеть четырехлетнюю Сару: она уверяла, что, если малышка будет позировать рядом с ней, фотографии получатся «просто потрясающие».

По утверждению некоторых, разговор с Жераром Шамом — убедительное доказательство того, что Роми вовсе не собиралась умирать. В самом деле, зачем бы ей подтверждать намеченную на завтра фотосессию, если она планировала через несколько часов свести счеты с жизнью?

После беседы с Жераром Шамом Роми и ее друг Лоран поехали ужинать к сестре Лорана. Когда они вернулись, Роми шепнула Лорану, что хотела бы еще немного «побыть с Давидом». С ее сыном.

Фотосессия должна была состояться в ближайшую субботу, 29 мая. Фотограф уже собрался ехать в Буасси-санз-Авуар и нес в машину аппаратуру, когда зазвонил телефон. Директор информационного агентства «Сигма» спросил, слушал ли он сегодня радио.

— Роми умерла этой ночью.

На другом конце провода — молчание.

Потрясенный Жерар Шам бесшумно поставил на пол аппаратуру, которую держал в руках.

Но если Роми не покончила с собой, что же тогда произошло в этой комнате, где она уединилась, чтобы сесть за секретер и написать записку?

Быть может, ее сердце просто остановилось, измученное неутешным горем, надорванное столькими испытаниями?

Словно при ускоренной киносъемке, комната приходит в движение. Лоран Петен почти в невменяемом состоянии звонит близким, чтобы сообщить о кончине Роми.

Маленькую Сару сразу же увела ее няня Бернадетта — к родственникам Лорана, которые живут в нескольких сотнях метров от улицы Барбе-де-Жуи. Там она будет надежно защищена от тревог и угроз внешнего мира.

А затем малышка отправится жить к отцу, деду и бабушке в Сен-Жермен-ан-Лэ. Когда-то Роми надеялась, что все они станут одной семьей. Даниэль Бьязини, служивший у нее личным секретарем, затем ставший любовником, а потом и мужем, был ее большой любовью; с ним она прожила десять счастливых лет, проводя часть времени в Париже, а часть — в Раматюэле. В ту безмятежную, безоблачную пору своей жизни она стала музой режиссера Клода Соте: именно в его фильмах она сыграла Элен, Лили и Розали — женщин, на которых мечтали быть похожими все француженки.

В комнате появился еще один человек. Словно полицейский инспектор, в начале детективного фильма прибывающий на место преступления, он незаметно пробирается сквозь группу жандармов, которые уже начали снимать отпечатки пальцев. Это Лоран Давена — исполняющий обязанности главного прокурора города, начальник криминального отдела парижской прокуратуры. Его срочно вызвали, когда был установлен факт смерти Роми. Он прекрасно понимает, в чьем доме находится (получил сообщение за несколько минут до приезда), но не должен принимать это обстоятельство во внимание при выполнении своей миссии — ему надлежит выяснить, нет ли на теле покойной каких-либо повреждений, которые позволили бы предположить, что смерть произошла не по естественным причинам. Прокурора сопровождал судебный медик, доктор Депонж.

Обводя взглядом комнату, Давена фиксирует свидетельства произошедшей трагедии. Недопитый бокал вина, полупустые блистерные упаковки из-под лекарств, белый пеньюар, небрежно брошенный на вольтеровское кресло, лист бумаги, на котором нацарапано несколько строк, а последняя обрывается, оставляя на странице длинный след, похожий на ускользающую жизнь.

Но прежде всего его внимание приковывает убитый горем человек, тот, что глубокой ночью, думая, что любимая женщина дремлет, лег рядом, не подозревая о том, что простыни, на которых

она лежит, через несколько часов послужат ей саваном.

Прокурор и судебный медик не спеша подходят к ней — кинозвезде первой величины, распротертой на постели в ночной рубашке. Им двоим предстоит постановить, каким станет продолжение этой истории, очень напоминающей греческую трагедию.

И Лоран Давена совершенно осознанно принимает решение, которое позволит уже сложившейся легенде существовать и впредь. Он не будет требовать вскрытия этой маленькой женщины (которую представлял себе гораздо выше ростом). И подпишет разрешение на захоронение. Он не станет осквернять «Сисси»: пусть тайна ухода Роми так и останется тайной.

Агентство Франс Пресс еще не успело сообщить эту новость. Но как только она будет опубликована, первые журналисты примчатся к дому на улице Барбе-де-Жуи и вытопчут клумбы перед фасадом, чтобы установить камеры.

Затем подтянутся люди, живущие поблизости, с которыми Роми встречалась, выходя на улицу или прогуливаясь в своем квартале, но которые не всегда знали ее в лицо. Кто-то не решался заговорить с ней, а кто-то благодарил за то, что она своим искусством вызвала у них смех или слезы.

А скоро сюда придут величайшие кинорежиссеры и актеры Франции. Те, кто снимались с ней в какой-нибудь запоминающейся сцене, полной

бесшабашного веселья либо глубокой грусти, виделись с ней на бесконечных званых ужинах либо на отдыхе у моря; те, кто, покоренные ее уникальной фотогеничностью, писали специально для нее роли влюбленных женщин.

Сейчас квартира еще остается в полумраке, словно вне времени.

Через несколько минут он будет возле нее.

В это утро Ален Делон приедет сюда одним из первых. Сколько раз в своей жизни он спешил к Роми — когда хотел разделить с ней любовь или когда она нуждалась в утешении. С тех пор как они расстались, прошло уже почти двадцать лет, но он всегда беспокоился о ней. Был рядом в самые тяжелые минуты. Он так и остался мужчиной ее жизни.

Ален Делон, ее ангел-хранитель, был верен этой миссии до конца.

Сегодня, рано утром, когда он находился в нескольких сотнях километров от Парижа, у него возникло дурное предчувствие. И он позвонил другу, их общему другу Алену Терзиану. Как обычно, не представляясь собеседнику, низким, глубоким голосом, который можно узнать среди тысячи других, он рассказал об охватившей его тревоге. Если точнее, это был беспричинный, необъяснимый, животный страх: как будто с Роми случилось что-то плохое, а что именно, он не знал. Продюсер несколько секунд молчал. Вне всякого сомнения, этих двоих связывала настоящая мужская дружба. Незадолго до разговора с Делоном Терзиану позвонил

журналист Филипп Лабро. И сообщил новость в том виде, в каком ее собиралась изложить редакция радио RTL; телеграмма агентства Франс Пресс лежала перед ним на столе.

Молчание Терзиана было похоже на безмолвный крик. Он не успел узнать, как отреагировал на это Делон: актер уже мчится в Париж.

Он едет с такой скоростью, с какой не ездил никогда, словно надеется догнать и остановить смерть. Смотрит на дорогу, на пейзаж, расстилающийся по сторонам, и в его памяти всплывают картины их совместной жизни. Иногда это сцены из фильмов, в которых они снимались вдвоем, исполняя роли любовников не только в кадре, но и за кадром (как, например, в «Кристине»). Тогда они были молоды и влюблены. И беззаботны. В других фильмах на афише стояли оба их имени, но в ее личной жизни он уже не находился на первом плане (как в «Бассейне»). Для нее это было начало новой эпохи, эпохи, когда ее популярность неуклонно росла, пока в итоге не превратила ее в кумира французской публики, музу Клода Соте и партнершу Мишеля Пикколи в целой череде фильмов, которые можно пересматривать без конца, снова и снова. Были моменты, каким так и не нашлось места в хронологии его жизни, — моменты, когда он отсутствовал, когда она проживала свою жизнь без него. Вспоминаются обрывочные сведения об этом периоде в ее биографии, лица ее мужей, кое-кого из любовников:

он знал обо всех ее радостях и разделял многие из ее печалей.

Оба они старались не дать разорваться той невидимой нити, которая связывала их. Несмотря на все перемены в жизни обоих, на ссоры и размолвки между ними.

Так продолжалось почти двадцать лет.

Ален Делон назначил Алену Терзиану встречу в своей квартире на авеню Президента Кеннеди, в XVI округе. Там, где он жил вместе с Роми в начале шестидесятых годов. В этом тихом жилище, расположенном на трех этажах, он затаился, словно зверь в норе, чтобы собраться с силами перед встречей с горем — и с суетливой толпой. В одиночестве он стоит у окна на восьмом этаже и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на Сену. Несколько месяцев назад она была здесь, приходила на фотосессию для журнала «Пари-матч». Незадолго до этого по итогам исследования, проведенного журналом, он и она были названы любимцами французской публики. А еще они объявили, что скоро опять будут сниматься вместе — в фильме Пьера Гранье-Дефера «Поединок», продюсером которого должен был стать Ален Терзиан. Для одного из снимков они позировали вдвоем: она на первом плане, он — чуть дальше, за ее левым плечом. Она в черном, он в белом, точно символы инь и ян. Последнее фото, где они запечатлены вместе.